

ВАЛЕНТИНА ЧЕМБЕРДЖИ

XX ВЕК

ЛИНЫ ПРОКОФЬЕВОЙ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Чемберджи, В. Н.

XX век Лины Прокофьевой. [Документальный роман]. / Валентина Николаевна Чемберджи. Комментарии В. Н. Чемберджи. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023. — 458 с. с илл.

ISBN 978-5-4467-2544-1

Первая жена великого русского композитора Лина Кодина-Прокофьева прожила длинную, почти в целый век, жизнь. Она вместила двадцать лет жизни с Прокофьевым в Америке, Европе, а потом в Советском Союзе, общение с Рахманиновым, Стравинским, Горовицем и Тосканини, Дягилевым и Бальмонтом, Пикассо и Матиссом, Мейерхольдом и Эйзенштейном... Ей довелось пережить крушение семьи, арест, тюрьму и советские лагеря.

Она была выдающейся личностью, достойной своего гениального супруга. Однако до самых последних лет мы ничего не знали о ней: советская цензура вычеркнула Лину и из жизни Прокофьева, и из истории.

Книга Валентины Чемберджи, хорошо знавшей всю семью Прокофьевых, — документальный роман, основанный на ранее не публиковавшихся архивных материалах.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-4467-2544-1

© Текст. В. Н. Чемберджи, 2022
© Комментарии. В. Н. Чемберджи, 2022
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023

ОТ АВТОРА

Эта книга обязана своим появлением доброй воле всех тех, кто активным участием дал автору возможность написать ее.

В первую очередь я выражаю глубокую признательность сыну Сергея Сергеевича и Лины Ивановны Прокофьевых Святославу Сергеевичу Прокофьеву, который горячо откликнулся на инициативу рассказать правду о судьбе матери и оказал мне личную поддержку. Его подробное интервью пронизывает всю книгу, представленные им материалы — уникальны: речь идет о документах, неопубликованных письмах Сергея Сергеевича Прокофьева, воспоминаниях Лины Ивановны и много другом. Святослав Сергеевич, Сергей Святославович и Сергей Олегович Прокофьевы взяли на себя труд прочесть рукопись и сделали бесценные для автора замечания.

Внуки Лины Ивановны Сергей Святославович и Сергей Олегович поделились фотоматериалами из семейных и личных архивов, ставшими незаменимыми иллюстрациями к образу героини.

Приношу также сердечную благодарность:

госпоже Ноэль Манн, куратору архива Прокофьева в Лондоне, открывшей путь к некоторым из его материалов;

господину Андре Шмидту, за его эмоциональный и остроумный рассказ о Лине Прокофьевой;

Дмитрию Николаевичу Чуковскому за моральную поддержку и веру в успех;

Софье Коровиной-Прокофьевой за ее рассказы о Лине Ивановне и Мире Александровне.

ВАЛЕНТИНА ЧЕМБЕРДИН
ЖК ВЕН ЛИНЕ ПРОКОФЬЕВОЙ

Особая благодарность — госпоже Наталье Новосильцов, в разговоре с которой родилась идея написать книгу о Лине Прокофьевой. В течение всего времени она поддерживала автора своей убежденностью в необходимости этой работы и вникала в хитросплетения прошлого и настоящего.

Спасибо моим первым читателям, мужу, дочери и сыну, они все время были со мной.

Путеводной звездой от начала и до конца служил автору «Дневник» Сергея Сергеевича Прокофьева.

ИЗ ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ

Почему здесь и сейчас? Где начало истории? Оно скрывается в далеких временах — автору надо заглянуть в первую половину прошлого века, точнее, в сороковой, последний предвоенный год в Крыму, когда впервые перед глазами в ту пору четырехлетней девочки возникла героиня как некое сказочно прекрасное существо женского пола, притом цветное и пестрое — на фоне тусклых и унылых привычных одеяний окружающих. Пестрое и сверкающее. Чем? Глазами? Блестящими черными волосами? Драгоценными камнями? Всем!

Такой она увидела тогда Лину Прокофьеву, жену Сергея Прокофьева.

Потом грянула война, эвакуация, и все разъехались кто куда.

В 1942 году, еще в разгар войны, вернувшись с мамой из эвакуации в Москву, девочка пошла в школу, занималась своими делами, чуть что убегала во двор, где были сосредоточены ее интересы, а родители — композиторы — продолжали дружить с Сергеем Прокофьевым, перед которым преклонялись как перед гением, спустившимся на землю из других миров, совершенно особенным человеком, свободным, независимым, одаренным во всем, с чем он соприкасался, — великим композитором и пианистом, дирижером, писателем, шахматистом, бриджистом, путешественником, любимым во всех ипостасях. В доме постоянно звучала его музыка, а девочка ходила в Большой театр на «Золушку» и «Ромео и Джульетту» десятки раз.

Родители встречались семьями, но место пестрой красавицы рядом с Сергеем Сергеевичем заняла худенькая дама, обыкновенно в черном, ломкая тростинка, говорившая в нос, тихо и ласково. Мама называла ее Мира. Дружили, общались, вместе веселились, каждая встреча с Прокофьевым была для родителей источником огромной радости, гордости и восхищения.

Невдомек было девочке, что тоненькая благожелательная женщина принесла драму в жизнь семьи Прокофьева.

Предвоенное видение куда-то исчезло.

А «Мира» приходила, приносила пирожные и письма от Прокофьева.

Прошло много лет, прежде чем Лина Ивановна Прокофьева снова переступила порог нашего дома. За двадцать лет большие несчастья потрясли ее семью. Муж оставил ее и женился на Мире Мендельсон. Музыка его была осуждена как вражеская и вредная для народа и запрещена к исполнению. Сама Лина в 1948 году была арестована и оказалась сначала в тюрьме, а потом в сталинских лагерях Заполярья. Сыновья остались одни, жили под присмотром друзей. В 1953 году умер Сергей Прокофьев, в один день со Сталиным. Лина вышла на свободу в 1956 году. Теперь она не была уже так молода и ослепительна. Но в выражении все еще прекрасного лица по-прежнему не было следов обыденщины, в Лине кипела жизнь, она шутила, смеялась, была по-прежнему «пестрая» в своем безупречном туалете, она приносила в дом праздник.

С начала шестидесятых годов и до самого отъезда Лины Ивановны из СССР в 1974 году нас связывала тесная дружба, и я никогда не переставала восхищаться ею, уже зная в самых общих чертах перипетии ее жизни. Однако мне ни разу не пришла в голову мысль,

что надо описать эту одновременно прекрасную и трагическую жизнь.

Вмешалась судьба: Лина Ивановна воскресла передо мной на берегу Средиземного моря на четырнадцатом году моей жизни в Каталонии. Море всегда было страстью Лины Прокофьевой, у моря случился и первый разговор о ней с Натальей Новосильцов.

Наталья Новосильцов — профессор Барселонского университета, знаток русского искусства начала века и автор книги о нем, представительница русского старинного рода, с давних пор живущая в Испании. По радио «Каталония-музыка» (к слову, в первые годы моей жизни в Каталонии передачи этой радиостанции вызывали у меня такой восторг, что свой очерк о Каталонии, напечатанный в России, я назвала «Каталония-музыка») она услышала передачу, посвященную Сергею Прокофьеву, из которой узнала о судьбе его первой жены — испанки, каталонки! Я рассказала Наталье Новосильцов о том, что дружила с Линой и с детства была знакома со всей семьей композитора. В разговоре с ней вспыхнула мысль, что мне надо непременно написать об этой замечательной женщине, испытывшей на себе величие и бедствия двадцатого века, ровесницей которого была.

Я начала с того, что поехала к Святославу Прокофьеву, старшему сыну композитора, живущему с 1991 года в Париже. Младший сын, Олег Прокофьев, скончался в 1998 году в Англии.

С волнением переступила я порог парижской квартиры Святослава, где среди множества дисков, книг, записей, видеопленок, картин, альбомов он продолжал жить со своими родителями, окруженный их портретами кисти Наталии Гончаровой, Остроумовой-Лебедевой, Шухаева. Стены просторной гостиной украшали полотна Петрова-Водкина, Малявина; я как бы вернулась в прошлое: ожил Сергей Сергеевич, молодой, блистательный, ожило и прекрасное видение детства. С портретов на меня смотрела Лина

Прокофьева, много моложе, чем в сороковом году, когда я увидела ее впервые.

Святослав Прокофьев в полной мере выполнил предназначение сына великого композитора: его долгий и кропотливый труд над рукописями отца увенчался появлением двух томов «Дневника» Прокофьева, уникального в литературном, музыкальном и историческом смысле произведения, положившего конец бесчисленным недобросовестным и далеким от истины спекуляциям по поводу жизни и творчества композитора.

Прокофьев — замечательный литератор — и сам писал о себе: «Если бы я был не композитором, я, вероятно, был бы писателем или поэтом».

В дневнике Прокофьев открыто, точно и подробно, с отличным чувством юмора изо дня в день писал обо всем, что происходило в его жизни, начиная с сентября 1907 года и кончая июнем 1933-го. Но было бы напрасным делом пытаться описать дневник. Он существует.

На страницах дневника в 1919 году появляется и наша героиня — Линетт, Лина — будущая жена композитора. В своей опере «Любовь к трем апельсинам» Прокофьев заменил имя Виолетты на Линетт в честь своей будущей жены.

Образ Лины был искажен в советской печати, то доставляло большие страдания ее сыновьям. Она жила лишь в памяти знавших ее людей — советские современники предпочитали не упоминать о ней. Вторая жена ни слова не говорит даже о ее аресте. В России не любят раскаиваться.

Святослав Прокофьев передал мне письма родителей, копии важных документов, подробно рассказывал о матери и дал свое благословение. В новогоднем поздравлении с 2005 годом он пишет мне: «Вам особое пожелание в успешном создании уникальной книги о моей маме. Да восторжествует справедливость!»

В Париже я встретила с внуком Лины, сыном Святослава, Сергеем, который живо рассказывал о своей бабушке.

Еще одного внука Сергея Прокофьева — сына Олега Прокофьева — я знаю больше сорока лет. В Москве мы жили в одном доме. Видный антропософ, обосновавшийся теперь в Швейцарии, он был свидетелем жизни Лины Ивановны и в Москве, и на Западе. Его рассказ об Авии (*avia* — «бабушка» по-каталонски) тоже помещен на этих страницах.

В лондонском архиве Прокофьева при фонде, основанном Линой Ивановной, Наталья Новосильцов получила копии ее рассказов о годах, проведенных в СССР с Сергеем Прокофьевым, и о тюрьме.

Моя жизнь сложилась так, что я хорошо знала не только Лину Ивановну, но и Миру Александровну. Годы высветили многое в облике и характере этих двух, таких разных женщин, противоположных по всему своему складу. В отличие от Лины Ивановны, талантливой рассказчицы и собеседницы, не любившей писать, Мира Александровна была привержена к подробному, хоть и художественно невыразительному, изложению событий и своих впечатлений. Ее дневники опубликованы в 2004 году¹. Она стремилась подражать Прокофьеву и тщательно записывала происходящее, оставив нам хоть и богатые важными событиями, но в то же время саморазоблачительные документы, с печатью советского мироощущения. Нельзя, однако, забывать, что она стала женой Сергея Сергеевича, которую он любил и которая тоже по-своему любила его. Жена Цезаря...

В 1936 году Прокофьев вместе с семьей вернулся из Парижа на родину, которую покинул в 1918 году. В разгаре сталинского террора он сразу же попал в орбиту внимания НКВД. Удивительно, что еще в 1925 году, когда советскому правительству, казалось бы, вовсе не

¹ Мендельсон-Прокофьева М. А. Воспоминания о Сергее Прокофьеве // Сергей Прокофьев. Воспоминания. Письма. Статьи. М., 2004. (Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки)

было дела до музыкальных проблем, оно принимает решение: «разрешить С. С. Прокофьеву и И. Ф. Стравинскому приехать в СССР»¹. Престиж!

Власти ставили целью вернуть и сохранить в СССР декоративную фигуру гения, но не его брак со свободомыслящей иностранкой. Политика в отношении Лины не ограничилась только ее арестом — они пошли дальше: умело распуская среди интеллигенции разного рода слухи, полностью исказили ее образ. Пока она царила среди друзей, музыкантов, артистов, писателей, она вызывала лишь восхищение. Но вот она арестована! Исчезла на долгие годы. Ее нет. И тогда постепенно ее образ стал трансформироваться в не слишком отягощенную заботами о детях и муже экстравагантную любительницу светских удовольствий, к тому же еще и иностранку! Она уже была арестована по обвинению в шпионаже, уже находилась в Лефортовской тюрьме, а кумушки все судили да рядили о том, как она распоряжалась своими драгоценностями. Лишь несколько самых верных друзей знали и помнили правду, но тогда ее нельзя было произносить вслух, а потом они умерли.

Фальсифицирован и ее собственный рассказ о жизни, оборванный почему-то на довоенном периоде, в сборнике воспоминаний о Прокофьеве, выпущенном в начале шестидесятых годов. Скучная гладкопись напоминает только об одном жанре: передовице в газете «Правда». Советские штампы, клише в описании самых ярких событий парижского периода жизни так же далеки от реальной Лины, живой, брызжащей энергией, острой на язычок, как обвинение в шпионаже — от истины. И бездна патриотизма.

Но что, может быть, особенно хорошо удалось нашей прославленной организации, так это как бы вовсе вычеркнуть из жизни Прокофьева его первую жену. Они прожили вместе двадцать очень

¹ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о возможности приезда в СССР С. С. Прокофьева и И. Ф. Стравинского от 21 июля 1925 года. № 72, п. 16. Заявление тов. Луначарского.